

Мания величия — не мой диагноз...

Андрей ИЛЬИН, блестящий театральный актер, общенациональную известностьнискал благодаря кино. В его арсенале десятки киноролей, от изысканных, как в дебюте Валерия Тодоровского "Катафалк", до всенародно любимых в хитах о Каменской. Гораздо меньшему числу зрителей повезло увидеть его работы в Рижском театре русской драмы, затем — в Театре имени Моссовета, а сегодня — в МХТ имени Чехова. Но именно сцена подчеркивает мастерство Ильина, разнообразие и глубину его актерского потенциала. Именно за это ценит его театральный зритель, а режиссеры и актеры — еще и за честное отношение к процессу и умение работать в команде. Редкое в театральной среде доброжелательное отношение со стороны коллег объясняется и тем, что человек Андрей Ильин категорически лишен актерских фанатерий, к профессии относится как к серьезному делу, важнейшим считает никого никогда не подводить и обескураживает своей житейской "обыкновенностью".

— Андрей, почему вы так много работаете?

— Работаю, как все. Я занимаюсь любимым делом.

— И сами проекты настолько неоднозначны. Участие в сериалах после серьезных ролей на сцене — вид отдыха?

— Я не расслабляюсь на сериалах! Работаю всегда честно. А всеядность, наверное, мне свойственна. Но это, видимо, "комплекс блокадника", когда "наедаешься" впрок — боишься, что поток предложений может прекратиться и телефон замолчит. Ощущение, что надо двигать, двигать, двигать этот паровоз. А что касается "отдыха" — тут вы сильно заблуждаетесь. Сериал мало чем отличается от кино.

— Идя в актеры, в каком амплуа вы себя видели?

— Когда я оканчивал училище, педагоги говорили, что я — характерный артист. Но я не понимаю слова "амплуа": либо ты — артист, либо — неартист. Существует некий актерский диапазон. Скажем, в 18 лет, придя в Рижский театр русской драмы, я играл розовских мальчиков, потом — Хлестакова, Треплева. В 27 лет, в возрасте Гамлета, сыграл Гамлета. Потом Алексея Ивановича в "Игроке", Ксириния в "Калигуле", Алджернона в "Как важно быть серьезным" Рюи Блаза. Все характеры, как вы видите, разные.

— В Рижском театре русской драмы вы проработали десять лет. Немалый опыт работы в провинциальном театре!

— Рижский театр никак нельзя было назвать провинциальным! Он всегда шел в авангарде. Уникальная труппа под руководством талантливейшего Аркадия Фридриховича Каца. Это был первый театр в Советском Союзе, где поставили "Утиную охоту", "Земляничную поляну", мюзиклы "Вестсайдская история", "Человек из Ламанчи", где играли "Убивца" и "Историю лошади" Марка Розовского.

— Почему же вы согласились на

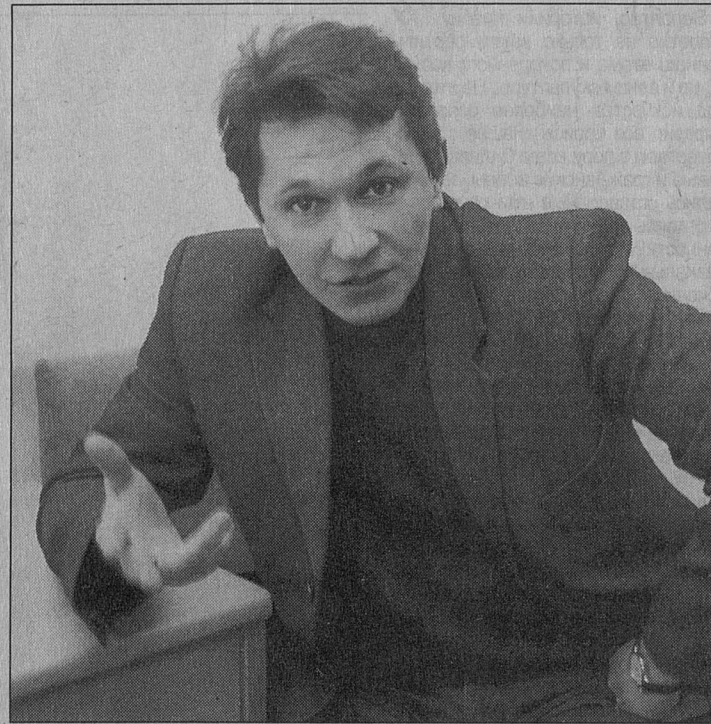
предложение Павла Хомского поступить в Театр Моссовета и переехать в Москву?

— Не знаю почему, но всегда понимал, что рано или поздно вернусь в Россию, буду работать в Москве или Петербурге. Из театра ушел вслед за нашим главным режиссером. Почти год ждал обещанного предложения от одного из московских театров. Но так и не дождался. Поэтому звонок Павла Осиповича Хомского воспринял как манну небесную. Почти без раздумий согласился работать в Театре имени Моссовета, о чем ни разу не пожалел.

— Чему научила вас жизнь в творческом коллективе?

— Я — человек коллектива и считаю, что чувство коллективизма дисциплинирует. Мне всегда везло с коллективом, особенно в Риге, где я очень быстро почувствовал себя своим. Несмотря на то что месяца через три после поступления в театр со мной произошел чудовищный случай. Однажды я перепутал дни и пропустил спектакль. Для артиста ведь нет ничего страшнее этого! К счастью, спектакль состоялся, выручил чудом найденный актер. Когда я пришел на следующий день и об этом узнал, мне стало плохо физически. Я помню, как коллеги, понимая мое состояние, мне сочувствовали, пытались поддержать. Помню, как встретил на улице Каца, который мне только и сказал: "Вы свой лимит нарушений исчерпали!". Я никогда не слышал, чтобы в отношении меня плелся интриги. Таким же был мой переход в Театр Моссовета, где работают тактичные, интеллигентные люди. Это очень важная проблема для театра — селекция по признаку коммуникабельности. Дело наше — командное. Поэтому, если человек "завездился", начал тащить одеяло на себя, он в театре вряд ли надолго задержится. Чем учит театр? Ответственности, самодисциплине и все-таки — умению отстаивать свою точку зрения.

— Для вас существенна компания людей, в которой вы работаете

А. Ильин

те, завязывающиеся в процессе дружеские отношения?

— Конечно. Спектакль в этом смысле, извините за пафос, — как полет в космос. Чтобы он состоялся, нужно пройти проверку на совместимость характеров. Когда-то очень теплая творческая и человеческая атмосфера сложилась на спектакле "Мой бедный Марат". "Марата" мы сочиняли все вместе — фантазировали, придумывали. На фоне дружеского общения репетировали как бы между делом! Помню, я иногда опаздывал из-за пробок, влетал на репетиции запыхавшись, а Андрюша Житинкин тут же предлагал успокоиться, отдышаться, сбегать в буфет, съесть сосисочку, выпить кофейку. Вот так — за сосисочкой, за кофейком — и рождался спектакль. Кстати, "Марату" уже одиннадцатый год, и мы им очень дорожим. Спектакль зреет, как хорошее вино. Сегодня мы играем его совсем иначе, чем на премьере. Для меня "Мой бедный Марат" — лучший спектакль из всего, что я когда-либо играл. По сути, это — история трех Акакиев Акакиевичей, когда сквозь душу маленького человека видна вселенная, настолько богат его внутренний мир. А ведь изначально спектакль был "датский", ставился к годовщине Победы; тогда эта старая пьеса Арбузова казалась вторичной, "нафталином". Когда Житинкин обозначил тему как "ляmur де труа", я даже отмахнулся, как от игровой шутки. А ведь это — трагедия, что три любящих друг друга человека не могут быть вместе. Это действительно тема! Внутри этих обстоятельств хочется жить, и мы "жи-

вем", иногда (да простит нас Арбузов) спонтанно меняем текст, импровизируем, надеюсь, без ущерба для смысла.

— А мой любимый спектакль — "Преступление и наказание".

— Совершенно согласен: замечательный спектакль. Тонкий и пронзительный.

— Ваш Порфирий Петрович стал для меня "открытием" актера Ильина.

— Когда мы работали над спектаклем, я перечитал роман и открыл для себя поразительную вещь: Порфирий Петрович сочувствует Раскольникову, видя в нем себя молодого! У Достоевского нет его биографии, но мне кажется, что он — тоже из "дерзновенных юношей". Ключевой фразой для меня стало его: "Статейку вашу я прочел, как знакомую..." Он в Раскольникове сына своего видит, некое продолжение тех туманных и опасных мыслей, которые переживал со свойственным юности максимализмом и тоже ошибался. Он так же мог бы стать преступником. На этой мысли мы сошлись с режиссером Леной Невежиной. Неприятен он там, где показан в воображении Раскольникова: то представляется ядовитой старушкой, которая вяжет на спицах, то монстром, топящим Раскольникова в ведре с водой. В этом характере — множество противоречий. Люблю такие роли.

— Одна из первых ваших киноролей — в дебютном фильме Валерия Тодоровского "Катафалк". Как состоялось ваше знакомство с начинающим тогда режиссером?

— Мы познакомились еще в Риге. Он был автором сценария картины, в которой я снимался на Рижской киностудии. Валера приходил ко мне в театр, смотрел спектакли. А спустя несколько лет он предложил мне роль в "Катафалке". Фильм снимался как 40-минутный дебют, а получился полнометражным. С Валерой мы до сих пор дружим. Потом я "по наследству" перешел к Тодоровскому-старшему. Вообще, это удивительная семья: фантастически талантливые люди, во всем! А Петр Ефимович — Моцарт своего дела.

— Все это богатое театральное и кинопрошлое отодвинуто на задний план "мужем Насти Каменской", социологически выверенным идеалом "мужа современной женщины". Не кажется ли вам сегодня участие в этом сериале стратегической ошибкой?

— Не кажется! Фактически это первая работа, по которой меня начали узнавать. Ее любит зритель. А разве мы в конечном итоге работаем не для зрителя? Есть кино "не для всех" и есть для всех остальных. Одно не мешает другому — по крайней мере, в моем понимании. Конан Дойля когда-то обвиняли в том, что он пишет бульварные романы. Сейчас этой "низкопробной" литературой зачитывается весь мир, а их автор стал классиком. Собизм еще не есть показатель вкуса.

— Вы где-то сейчас снимаетесь?

— Закончил работу в 4-серийном телевизионном фильме Константина Худякова "Ленинградец" по сценарию Александра Червинского. Изначально сценарий писался для кино. У меня там роль сотрудника КГБ, который живет в семье потомственных авиастроителей и является для этих людей, как ни странно, ангелом-хранителем. Такой нетипичный сегодня взгляд на представителя этой профессии. Очередной повод вспомнить о том, что в жизни нет ничего бесспорно хорошего или плохого. Были люди, которые честно выполняли свою работу. Были те, кто считал, что цель оправдывает средства. Скоро на экраны выйдет сериал Александра Митты "Лебединый рай". Я там сыграл бизнесмена по имени Борис, человека неоднозначного, интересного. В конце года на одном из ТВ-каналов будет показан исторический сериал Михаила Шевчука "Сатисфакция", в котором я снялся в роли графа Голицына. В сериале Алеко Цабадзе "Бухта Филиппа" появлюсь в роли представителя шоу-бизнеса. А у Дмитрия Астраханя в мелодраме "Останемся друзьями" у меня роль ревнивого мужа. Ну про остальное пока промолчу.

— Вы нашли своего режиссера?

— Я всегда иду за режиссером, прислушиваясь к его мнению, потому что только режиссер действительно знает, что должно получиться в итоге. Но, к сожалению, это "в итоге" не все-

гда совпадает с моим ощущением. Ведь одно дело — договориться "на берегу", а другое — дышать в унисон в процессе работы. Таких "своих" режиссеров, как Борис Абрамович Наравцевич, у которого я учился в Нижнем Новгороде, или Аркадий Фридрихович Кац — непрерываемый для меня авторитет, с которым мы, казалось, понимали друг друга без слов, я, к сожалению, больше не встретил. Не могу сказать, что сегодня у меня есть "свой" режиссер.

— Чего не терпите в режиссерах?

— Ненавижу самолюбование! Ни в режиссерах, ни в актерах. Не терплю, когда режиссер для того, чтобы вызвать у артиста необходимую эмоцию, унижает его человеческое достоинство. Ценю умение режиссера "раствориться" в актере.

— И каковы ваши действия при встрече с такими, которых не терпите?

— Разворачиваюсь и ухожу. Впрочем, в последние годы никто из режиссеров не позволял себе по отношению ко мне вольностей, может быть, отчасти и потому, что знают: я способен на "выброс ядовитых чернил".

— Будучи заслуженным артистом и, как говорится, маститым, являетесь ли вы человеком, от которого зависят партнеры?

— Хочется верить, что мания величия — не мой диагноз. Заслуженный — не заслуженный... "Приказ о присвоении..." тут совершенно ни при чем. Имена многих заслуженных артистов вам ни о чем не скажут. А сколько талантливых актеров не обременены званиями. На площадке всегда должен быть лидер, такой камертон, человек с абсолютной органикой, под влияние которой невольно попадаешь.

— Есть ли у вас какие-то увлечения, которые помогают на сцене?

— Все может пригодиться! Скажем, еще в детстве научился ходить на руках — потом использовал это умение на сцене, в юности научился жонглировать — в театре пригодилось и это. Чем богаче нутро, чем больше питал, тем больше отдаешь. В этом смысле для меня абсолютным идеалом по степени органики был Евгений Александрович Евстигнеев. Как-то он приехал к нам в нижегородское училище на юбилей своего курса, и кто-то из студентов спросил его: "Как вы работаете над ролью?" А он отодвинул штору на окне и показал: "Все просто. Наблюдайте! А потом — на сцену".

— В жизни вы пользуетесь актерскими способностями?

— А кто же ими не пользуется? Ими пользуются даже неактеры.

Беседу вел
Светлана СМЕРНОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ